

ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ: ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ И АСПЕКТЫ

Шелестюк Е. В., Будейко В. Э.

Уточняется понимание терминов языкового развития и становления языка. Отмечается, что языковое развитие является во многом объективным феноменом, предполагающим внутренне присущие импульсы, признаки роста, становления и синергичного изменения в соответствии с онтологией национального языка. Вместе с тем, направленность и закономерность развития делает возможным его планирование, ход, контроль. То же касается развития языка. В работе рассмотрены три основных аспекта языка, позволяющих изучать языковое развитие и планировать/прогнозировать его векторы: социолингвистический, системный и дискурсивно-стилистический.

Ключевые слова: языковое развитие, становление языка, социолингвистический аспект языкового развития, системно-лингвистический аспект языкового развития, дискурсивно-стилистический аспект языкового развития, развитость языка

LANGUAGE DEVELOPMENT: INTERPRETATIONS OF THE CONCEPT AND ASPECTS

Shelestyuk E. V., Boudeiko V. E.

The understanding of the terms of language development and the formation of a language is clarified. It is noted that language development is largely an objective phenomenon, suggesting inherent impulses, signs of growth, formation and synergistic change in accordance with the ontology of the national language. At the same time, the direction and pattern of development make it possible to plan, organize and control it. The same goes for language development. The paper considers three main aspects of language that allow studying language development and planning/predicting its vectors: sociolinguistic, systemic, and discursive-stylistic.

Keywords: language development, language evolution, language involution, sociolinguistic aspect of language development, system-linguistic aspect of language development, discursive-stylistic aspect of language development

Введение

Дефиниция термина «развитие языка» и описание свойств соответствующего понятия во многом зависят от методологии исследования. В настоящее время в отечественном языкознании наблюдается присутствие представителей многих мировоззрений, лингвистических школ, вооружённых разными методологиями, отсюда немало противоречивых толкований и интерпретаций, которые иногда уводят авторов в сферу двусмысленных и качественно неопределённых концепций. Целью данной работы является точнее определить понятие

развития (конкретно, языкового развития), а также – и это составляет бóльшую часть работы – описать феноменологию языкового развития в социолингвистическом, системном и дискурсивно-стилистическом аспектах.

Диалектика понятия «развития» и проблема «языкового развития»

Понимание времени и протекающих во времени изменений как сочетания линейности и повторяющихся циклических процессов было свойственно древности.

О концепциях циклического времени нам известно преимущественно из философий Востока, но они были распространены и в западных цивилизациях. Например, древними греками время осознавалось тройко: как хронос (линейная длительность), янус (смена времени суток, нечто подобное циклу) и кайрос (фаза, подходящий момент). В раннем христианстве время продолжало связываться с изменениями, где цикличность преобладает над линейностью; процессы воспринимались как совершающиеся по заданной «от века» программе, воспроизводящие неизменную совокупность циклов: «Восходит солнце, и заходит солнце, и на место своё поспешает, чтобы там опять взойти; бежит на юг и кружит на север, кружит, кружит на бегу своём ветер, и на круги свои возвращается ветер... Что было, то и будет, и что творилось, то и будет твориться, и нет ничего нового под солнцем» («Экклезиаст», 1, 5, 6, 9). Начиная с

Возрождения и Нового времени в Европе возобладала концепция линейности времени, закрепилось представление об изменениях как развитии, как качественных и необратимых трансформациях. Связано это было с осознанием человека как преобразователя, творца сознательных изменений, со становлением науки и техники как движителей целенаправленного преобразования окружающей среды.

В XIX в. развитие стало определяться как научный термин, включающий следующие признаки: а) постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, б) обособление от сходных и родственных явлений, в) увеличение внутреннего богатства, г) постепенное укрепление единства, д) высшая точка развития – высшая степень сложности, объединённая внутренним господствующим единством. В XX в. понятие развития было уточнено как необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов. Только одновременное наличие всех трёх указанных свойств выделяет процессы развития среди других изменений: а) отсутствие циклического воспроизведения постоянной системы функций; б) направленность, при которой должны накапливаться изменения, которые бы выражали единую взаимосвязанную линию; в) закономерность развития является противоположностью случайным процессам катастрофического типа и успешно преодолевает их. Процессы изменения, когда происходит циклическое воспроизведение постоянных функций, характеризуется обратимостью, что, без накопления изменений и

перехода количества в качество, не вызывает развития. Кроме того, процессы катастрофического типа могут задерживать или останавливать развитие, хотя изменения, в случае выживания самой системы, будут продолжаться в соответствии с ее онтологией. Ненаправленные изменения могут не накапливаться, и потому процесс не будет означать развития (или будет означать очень медленное, эволюционное развитие), поскольку лишается характерной для развития единой, внутренне взаимосвязанной линии [Юдин 1975: 409–410; Леонтьев 2011: 98–99].

Констатируем, что вместе с линейностью, необратимостью, направленностью и закономерностью, развитие обнаруживает свойство спиралевидной наследуемости, повторяемости, обусловленной онтологией объекта на каждом новом этапе истории.

Можно сказать, что научное понимание и изучение языка как системы наблюдаются сравнительно недолго, с XX века. Начала языка, его первоначальная история известны современной науке недостаточно, поэтому характер необратимости или цикличности языка мы объективно определить не в состоянии, ибо вся история языка (от начала до сегодняшнего момента), весь график изменений языка до настоящего времени нам полностью неизвестен. За последние триста лет язык наблюдается и изучается достаточно, относительно подробно, в разных состояниях становления процессов дивергенции, конвергенции, скрещивания и умирания языков. Как это сказывается на общем состоянии языков и языка как феномена, т. е. знаковой системы для коммуникации человечества? Ответить на этот вопрос весьма трудно, потому что необходимы ясные и определённые критерии развития языка. Направление развития языка призваны изучать лингвистические институты, которые, однако в основном изучают процессы изменения языка, выявляя общие и частные законы изменений с некоторой долей вероятности в исторической ретроспективе. Однако до настоящего времени термин «развитие языка» лингвистической наукой фактически приравнивался к языковым изменениям. Диалектика отношений между системой языка и нормой, принимаемая как догма, признаётся основным механизмом, ведущим язык к развитию. Но это далеко не так. Как частный случай, ряд исследовательских работ, проведённых нашими коллегами из Уфимского государственного университета, неожиданно доказывают постепенную деволюцию, умирание или становление русского языка в небытие, а не его развитие [Муллагалиева 2012].

Таким образом, научная филология и лингвистика призваны изучать систему языка и регулировать языковую норму, способствующую эволюции и развитию национального языка, а не его деволюции и становлению в небытие. От науки требуется постоянная аналитическая, целенаправленная работа с ясными критериями понимания и внимания к речевому материалу, при этом не всякое ситуационное или запланированное изменение надлежит закреплять нормою через актуальные научные тексты и словари. В

описании языка и речи разумно сформулировать и придерживаться общепринятых методологических правил, способных выработать критерии определения языкового развития, предполагающего прежде всего внутренне присущие импульсы, признаки роста, становления и синергического изменения в соответствии с онтологией национального языка.

Итак, основная проблема в этой связи: ясная и чёткая выработка и научное доказательство критериев развития языка. В противном случае мы будем иметь деволюцию как мнимое становление языка во всех стратах его системы и речевой деятельности, ибо слепое управление стихийным процессом не приведёт к улучшению процесса. Заметим, что выработка таких критериев для языка в целом и для каждого конкретного языка – дело будущего, и нам надлежит непременно продолжать наши исследования в этом направлении.

Социолингвистический («функциональный») аспект языкового развития

Ввиду сложности и большого объёма заявленной проблемы рассмотрим только отдельные важные аспекты становления языка с целью выявления феноменологии языкового развития: социолингвистический, системно-лингвистический и дискурсивно-стилистический. Заметим, что эти аспекты так или иначе выделялись и обсуждались многими теоретиками социолингвистики [Поливанов 1968, Щерба 2004, Аврорин 1975, Исаев 1978, Дешериев 1977, Баскаков 1988, Швейцер 1976, Никольский 1976 и др.]. Рассмотрим три обозначенных аспекта языка, позволяющих изучать языковое развитие и планировать/прогнозировать его векторы.

Социолингвистический («функциональный») аспект языкового развития предполагает анализ языковой ситуации в том или ином социуме, лингвистических и экстралингвистических факторов языковых изменений, стихийности и разумного планирования, интеграции и дезинтеграции языков, соблюдения языковых прав, создания, сохранения и накопления культурного наследия в существующих языках, развитие литературы и науки, печати, прессы, театра и кино, СМИ на национальных языках.

Языковая ситуация в социуме определяется государственным законодательством о языках, отношением населения к тому или иному языку, приоритетности и избирательности осуществления коммуникации на нём, предпочтения/выбора того или иного языка в так называемых «высоких»¹ сферах социального взаимодействия, включая образование, науку, деловую и административную коммуникацию, юридическую коммуникацию, литературу, средства массовой информации. В многонациональных государствах с территориями постоянного проживания разных народов и национальностей билингвизм и диглоссия неизбежны.

¹ Согласно социолингвисту Ч. Фергюсону, при диглоссии «высокие» разновидности языка применимы в официальных сферах, «низкие» разновидности языков являются региональными языками и диалектами, они используются в быту и в повседневном общении, [Ferguson 1959]. Из его рассуждений следует, что для «высокого» языка характерна престижность в обществе, для «низкого» языка – её отсутствие.

При этом нельзя допускать разбалансировку использования родного и второго языка в «высоких» и «низких» сферах употребления, необходимо преобладание официального использования языков в границах национальных областей и республик и соблюдение справедливого баланса между сферами употребления языков (исходя из принципов этнической мажоритарности, автохтонности, древности языковой истории).

С конца 1980-х и вплоть до настоящего времени всё возрастающую роль играет также иностранный язык как язык международного общения, прежде всего, «мировой английский», который интенсивно изучается и распространяется, фактически являясь или приближаясь по статусу ко второму/третьему языку. Конформистское признание его всемирным языком науки, связывание знания этого языка с уровнем образованности (уровнем квалификации), престижность рецепции и создания текстов на нём может наносить существенный ущерб состоянию исконных, коренных языков. Этот ущерб, который в социолингвистике также называется субтрактивностью, может проявляться прежде всего в распространении (экспансии) иностранного/второго языка на те социальные сферы, которые ранее обслуживались исконными языками, например, официальные сферы, в т. ч. написание научных публикаций и трудов, преподавание в школах и вузах, создание научно-популярных, публицистических и художественных произведений, аудио- и видеопродукции и т. п. Нередко происходит заимствование иноязычных разговорных практик, сопровождающееся трансформацией национальных языков и дискурсов, что уменьшает разнообразие языков и культур, нивелируя их под единый иностранный стандарт. Ущерб может наносить и чрезмерное неассимилированное или слабоассимилированное заимствование лексики, оборотов речи (а соответственно понятий, концептов, смыслов, идей), целых синтаксических структур и речевых паттернов в различные подязыки общественной и профессиональной деятельности, а также в обыденный язык.

В ситуации, когда исконным языкам угрожает опасность деградации или уничтожения, деволюции и медленного умирания, на передний план выходят вопросы языкового планирования и целенаправленного развития. В ответ на деградационные процессы предлагаются меры и появляются энтузиасты, пытающиеся на основе исторически накопленного языкового наследия воссоздать и развивать исконные языки.

В качестве примеров приведём движение пуристов – просветителей, писателей и филологов, продвигавших исконные языки и культуру в условиях иноязычного и инокультурного засилья, что имело место в Европе в периоды народно-освободительных и национально-объединительных движений XVII–XIX вв.

Так, в Норвегии, в течение более 550 лет (начиная с середины XIV века и до 1905 г.) находившейся под властью Дании и Швеции, роль официального языка, языка образования, науки и культуры выполнял датский. Пуристическое движение началось здесь в последних двух третях

XIX в. Пуристы отстаивали норвегизацию литературного языка, норвежское произношение, вводили в свои произведения лексические и грамматические норвегизмы, обрабатывали и записывали произведения фольклора, сказки, эпос. Во внедрение норвежских языковых форм внесли большой вклад Х. Вергеланн, П. К. Асбьёрнсен, Ё. Му, К. Кнудсен, а также создатели новонорвежского языка И. Осен, О. Винье, А. Гарборг, писатели, писавшие на датско-норвежском букмоле (риксмоле) – Х. Ибсен, Б. Бьёрнсон, А. Хьелланн, Ю. Ли. Культивирование норвежских норм национально-ориентированными деятелями культуры дало определённый результат, однако до сих пор датско-норвежский риксмол используется в 90 % повседневного письменного языка. В целом, норвежская реформа, призванная своеобразно национализировать язык, признаётся европейским научным сообществом не слишком удачной, её критика направлена прежде всего против комбинации исконно-морфемного пуризма и жёсткого нормализаторства: «Объективно реформа ставила перед собой утопическую задачу изменить речевую практику взрослых людей, уже владеющих литературным языком, и приучить к “радикальным” языковым формам детей, которые приходят в школу с уже сложившимися языковыми навыками. Новая официальная норма, в общем, не имела престижа, так как она не была поддержана авторитетом языка и языковой деятельностью наиболее значительных писателей, учёных, деятелей культуры и политики. Напротив, язык литературы и прессы, сравнительно единообразный, в основном, игнорирует реформу. Характерно, что “нормализаторы языка”, насаждающие “радикальные” формы (в первую очередь школьные учителя) сами обычно пользуются вне стен школы довольно “консервативным” букмолем. Не случайно многие школьники вне уроков норвежского языка не пользуются “радикальными” формами» [Арсеньева и др. 2000: 148].

Однако есть много примеров успешных реформ пуристической направленности: в той же Дании – метрополии Норвегии в течение 5 столетий – пуристы успешно противостояли засилью немецкого языка. В середине XVIII в. началось очищение датского языка от иностранных элементов, замена германизмов датскими кальками (Ф. К. Айльскоу и Е. Снедорф, журнал «Den patriotiske Tilskuer»), например, *valgsprog* 'девиз' (нем. *Wahlspruch*), *fordom* 'предрассудок' (нем. *Vorurteil*), *sandsynlig* 'вероятный' (нем. *wahrscheinlich*) и т. д.

Примечательна история исландского языка, произошедшего из древнесеверного и более всего испытавшего влияние древненорвежского, в котором благодаря островной замкнутости Исландии и целенаправленной пуристической политике удалось сохранить почти в первоизданном виде язык и образцы литературы древних северных германцев.

Успешными были и реформы немецких пуристов, во многом предопределившие объединение немецких княжеств и курфюршеств в единое национальное государство в эпоху О. Бисмарка (1871 г.). В XVII в. в Германии началось пуристическое движение, которое обогатило немецкий

язык многочисленными словами, заменившими иностранные заимствования, что также способствовало синонимическому разнообразию немецкой лексики. Образуя новые слова, грамматисты-нормализаторы и писатели обращались ко внутринемецким источникам пополнения и обогащения языка, к морфологическому и лексическому материалу территориальных диалектов. Преобладавшие до того времени сепаратистские тенденции в языковом становлении отступили. В XVIII в. периодические издания способствовали распространению результатов нормализаторской и пуристической деятельности. И. Готшед, И. Аделунг, другие грамматисты и лексикографы XVII–XVIII вв. обозначили нормы нововерхненемецкого литературного языка, удачно сформулировали правила его употребления, на немецком языке стало осуществляться преподавание, он стал самостоятельной учебной дисциплиной. Через среднюю школу правила становились достоянием всей нации. В XVIII–XIX вв. писатели, поэты, историки, теоретики литературы и искусства, философы Г. Э. Лессинг, И. В. Гёте, Ф. Шиллер, К. М. Виланд, Ф. Г. Клопшток, И. И. Винкельман, И. Г. Гердер, Г. Гейне и другие создали классическую немецкую национальную литературу. В период буржуазной революции 1848 г. распространилась общественно-политическая литература. В XIX в. северогерманское произношение приобрело через книгу и школу авторитет образцового; а унификация произношения произошла благодаря «сценическому немецкому» (закон о единстве произношения был принят в 1898 г.).

Нельзя не отметить успешный пример пуристической политики Франции, доказавший, что государственный закон (закон Тубона) 1994 г., с чёткими рычагами исполнения и прописанными санкциями за нарушение, а также специально созданные государственные органы (Консультативный совет по французскому языку, Генеральная делегация по французскому языку, Верховный совет по франкофонии, Государственный секретарь по делам франкофонии и т. д.) оказались способны благотворно влиять на судьбу и развитие французского языка. В результате языковой политики Франции, несмотря на определённые отступления, французская культура и французский язык успешно сопротивляются глобализации *a l'anglaise*. Это проявляется в т. ч. в рамках франкофонии, в которой, подобно русскоязычной цивилизации, «единая языковая система объединяет множество разных культур, разных *видений* мира, разных способов поведения, общения и освоения знаний» [Клоков 2009].

В истории греческого языка за последние 300 лет также наблюдаются некоторые лингвокультурологические и социолингвистические движения, на которые полезно обратить наше внимание. С XVIII в. влиятельные деятели греческой культуры полагали, что духовное возрождение греческого народа, долго находившегося под турецким игом, возможно только при возвращении к истокам духовной культуры своих предков, поэтому древнегреческий язык (*ἀρχαῖουσα γλῶσσα* – древняя речь/язык)

стал основой возрождения эллинской национальной культуры. Например, деятельность Евгениоса Вульгариса (1716–1806) была направлена на комментирование и переводы античных и современных ему европейских авторов по истории, философии, музыке, богословию. Его огромный труд «Логика» был написан на древнегреческом языке, поскольку Е. Вульгарис полагал, что философия может изучаться только на этом языке. Этот тезис поддерживали И. Мисиодакас, Д. Катардзис и другие. Именно в это время на волне освободительного движения создаётся литературный греческий язык «проаттического» направления, получивший наименование кафаревусы (от др-грч. καθαρῆύω «очищаю» > καθαρῆύουσα γλῶσσα «чистая речь/чистый язык»), когнитивно-стилистически противопоставленной димотике (устной народной речи). Идея освобождения Греции, её восстановления и объединения подкреплялась государственной письменной кафаревусой. Афинский университет (создан в 1837 г.) стал оплотом распространения благородной и чистой кафаревусы, поскольку стилистически низкая димотика содержала много заимствований из иностранной лексики (из турецкого, а также романских и славянских языков). Умеренное движение под руководством греческого просветителя Адомантиоса Кораиса (1748–1833) предлагало καθαρῆύσις – очищение языка от турецких и европейских заимствований и замену их древними или вновь созданными греческими словоформами. Церковь, научные и государственные институты долго придерживались кафаревусы и древнегреческого языка, поскольку идея высокой культуры способствовала духовному единству народа, говорившего на разных диалектах (ср. подобную идею в Германии Нового времени), а также способствовала культурному подъёму общественного устройства. Основной принцип греческой орфографии – этимологический – сохраняется до сих пор (несмотря на упрощенческую реформу графики 1983 г.) на том основании, что перемена письма в пользу фонетического принципа означала бы омографический хаос непонимания, разрыв традиции, разрыв многовекового культурного предания. «Неполный (относительный) билингвизм, характеризовавший в течение многих веков языковую ситуацию в грекоязычной среде, лишней раз демонстрирует силу архаизирующих тенденций греческого языка и важность изучения его древнегреческого состояния: древнегреческий язык никогда не осознавался носителями греческого языка как другой язык (даже при наличии переводов с древнегреческого на новогреческий). Степень не только грамматической и лексической, но и, если так можно сказать, духовной близости древнегреческого языка и современного греческого всегда была и продолжает оставаться намного более тесной, чем степень близости, например, древнерусского и современного русского языка, что связано с особенностями политической и культурной истории Эллады» [Славятинская 2014: 218].

Наконец, уникальный пример языкового строительства представляет Израиль, воскресивший или восстановивший иврит из канонических образцов культового, священного литературного языка. При этом языковое развитие иврита претерпело реверснакуляризацию, то есть разработку новых разговорных форм. Одновременно было индуцировано изменение отношения евреев всех диаспор к этому языку как основному, образцовому. Укрепив авторитет в XX–XXI вв., современный иврит государства Израиль распространяет лексикон, дискурсивные маркеры и систему произношения на еврейские общины по всему миру [Benor, Nary 2018].

Подытоживая обсуждение социолингвистического аспекта языкового развития, констатируем, что, как правило, во внешне относительно благополучной этнополитической обстановке становление и развитие живых языков практически не регулируется, но происходит стихийно. Попытки регулировать, направлять развитие языков происходят при осознании их регресса, инволюции или утраты, в т. ч. в связи с угрозой лишения государственного суверенитета в культурной и языковой основе.

Язык – важнейшая особая форма общественного сознания, и, на наш взгляд, его развитие, как и развитие других форм общественного сознания и культуры, не должно быть пущено на самотёк. Помимо прямого государственного законодательства, в капиталистическом обществе регулирование языкового развития возможно осуществлять избирательным финансированием, по аналогии с выделением финансов на создание произведений культуры. Средства можно было бы направлять на сохранение и развитие исконных лексических систем, лексикографический учёт и регистрацию идиоматики, паремий, прецедентных фраз и высказываний, фольклора, афоризмов, ценных архаизмов, удачных неологизмов и окказионализмов на исконной морфологической основе; создание обширных и пополняемых в реальном времени корпусов, тезаурусов, словарей исконных языков (например, до сих пор недостаточно полных словарей неологизмов и окказионализмов, синонимов и антонимов, комбинаторных, идеографических, этимологических, диахронических (на исторических принципах)). Целесообразно проводить централизованные конкурсы «Слова́ года», где регистрировались бы и определялись на выбор наиболее удачные лексические единицы, созданные на словообразовательной основе национальных языков России, не забывая, конечно, и о нашем русском языке.

Ряд современных свободно пополняемых переводчиками словарей, например, multitran.ru, показывает, что по количеству синонимов и антонимов русский язык не столь значительно менее объёмен, чем английский. Вместе с тем идеографические словари-тезаурусы русского языка не имеют непротиворечивой теоретико-методологической базы, полноты и системности, а словари синонимов и антонимов до недавнего времени давали лишь ограниченное число вариантов, вероятно, по соображениям нормативности/литературности лексики. Также есть

сложности в уточнении происхождения слов, поскольку в настоящее время нет полного этимологического словаря русского языка – хотя и имеется великолепный «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О. Н. Трубочёва, – как и словаря русского языка на исторических принципах.

Разработка полных и разнообразных словарей, корпусов и тезаурусов весьма актуальна. Возможно, в этом плане были бы полезны программы «майнинга» слов русского языка (включая нечастотные слова) в больших массивах текстов онлайн и оффлайн. При этом словари должны быть основаны на русскоязычном материале, хотя лексика может быть сопоставлена с англоязычной и др. по нюансам значений, идиоматике, эмоционально-экспрессивными коннотациям и прочим факторам. Впрочем, подвижки в этом направлении очевидны, например, последние ресурсы синонимов и антонимов, в т. ч. основанные на корпусах русского языка, уже достаточно репрезентативны, ср. «Словарь синонимов русского языка» (sinonim.org).

Наиболее важным аспектом проективного языкового развития нам представляется поддержание, стимулирование творческой деятельности в области литературы, словесности на национальном/родном языке. Такие действия предполагают финансирование программ создания произведений словесности на национальных/родных языках; создание исследовательских и образовательных культурологических учреждений, призванных изучать, разрабатывать и развивать систему национальных образов, архетипов, символов, сюжетов и героических идеалов; обучение разных групп населения высокой культуре письма, ораторского мастерства, ведения дискуссий и т. п., проведение национальных и ведомственных конкурсов произведений словесности и т. п.

Заметим, что прецеденты активного побуждения, в том числе непрофессиональных авторов, к сочинительству дают западные страны, особенно Великобритания и США, писатели которых достаточно основательно, в исторической и эстетико-суггестивной перспективе описывают принципы стихосложения, сочинения прозаических произведений, языковых игр, создания новых «языков» (ср., например, Frye Steven. *The Ode Less Travelled: Unlocking the Poet Within*. London: Arrow Books, 2007; Peterson D. J. *The Art of Language Invention*. London: Penguin Books, 2015). Возможно, англосаксонские страны исходят из более глубокого осознания, что действительно выдающиеся и гениальные произведения бывают «штучными», единственными, и создать их способны как профессионалы, так и непрофессионалы, фактически любой человек в порыве наивысшего вдохновения и при удачно сложившихся обстоятельствах. Именно эти страны активно работают над изучением, разработкой и преподаванием архетипной образности, мифологических сюжетов, символического иносказания, поэтических и прозаических форм, особенностей речевого ритма и фоносемантики. Они уделяют большое

внимание оценке и отбору наилучших произведений словесности. Тот факт, что со второй половины XX в. культурные учреждения англоязычных стран стали признанными мировыми «фабриками грёз», а их писатели и деятели культуры – «властителями дум», ясно показывает, что такое культуртрегерство, распространение и культивирование национальной и культурно насыщенной словесности вполне оправдано².

Наша позиция в отношении творческого и плодотворного использования родной речи согласуется с мнением И. Г. Милославского, что: «общественная практика, стимулируемая <...> научно-техническими достижениями в виде современной информационной техники, требует продвижения в области обеспечения *продуктивных* (выделено нами – Е. Ш., В. Б.) речевых действий. Актуальной задачей повышения "речевой культуры" говорящих на русском языке является не столько требование формальной правильности и даже не соблюдение "речевого этикета" (эти задачи глубоко осмыслены и в значительной степени решены), но смысловая сторона коммуникации: 1) точное и полное понимание предъявленного реципиенту сообщения и 2) адекватное замыслу продуцента и условиям коммуникации создание собственного сообщения» [Милославский 2020: 21].

Но если представленное нами выше предложение о креативном использовании речи носит лингводидактический характер, то И. Г. Милославский акцентирует стимулирование языковой креативности с помощью развития лексикографических (прежде всего, идеографических) средств: «В этих условиях создание разного рода идеографических описаний русского языка, разного рода словарей и грамматик, как связанных между собой, так и самодовлеющих, выступает как первейшая задача. Однако эти произведения могут возникнуть лишь на основе уже имеющихся семасиологических описаний... Главная же цель таких исследований – обеспечить смысловую адекватность и формальную правильность речевых произведений, создаваемых человеком на русском языке как на родном, так и на неродном, а также автоматическим устройством (в частности, при автоматическом переводе на русский язык)» [Там же].

Системно-лингвистический аспект языкового развития

Системно-лингвистический аспект языкового развития подразумевает развитость языковой системы (одновременно с речевой деятельностью и языковым материалом как составными частями языка по Л. В. Щербе) в национальных языках, что предполагает поддержание устойчивого и благоприятного статического состояния и динамического

² Есть также ощущение, что многие талантливые англоязычные писатели «отрабатывают» конъюнктурные темы на заказ, популяризируя их для читателя: зелёная повестка, феминизм, ЛГБТ, определённый образ жизни, те или иные идеи, персоналии и т.д., вплоть до предметов потребления и брендов. Ср., например, произведения Д. Лоджа, Дж. Барнса, П. Баркер, Д. Митчелла, М. Макинтайра. Такая практика имеет явный воздейственный эффект и поэтому является заслуживающей внимания.

развития языка как знаковой системы на фонографическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Языковые процессы отражают две диалектически противоположные тенденции: вариативности (дифференциации) языковых средств для выражения богатства смыслов и их сокращения (конвергенции), унификации, упорядочения в целях экономии речевых усилий и языковых средств (А. А. Уфимцева, В. М. Солнцев, В. Г. Гак, Г. Пауль, О. Есперсен и др.). В обычной ситуации язык развивается стихийно, направляемый, в первую очередь, социолингвистическими процессами. Мы постулируем необходимость управления этими в большой степени стихийными процессами и при этом соблюдения постоянного баланса между двумя тенденциями, дабы не размыть языковые нормы и стандарты чрезмерной дифференциацией языковых средств, с одной стороны, и не обеднить, и не обездвижить живую речь чрезмерным «уменьшительным» нормализаторством, т. е. селекцией или конвергенцией вариантов, с другой.

В настоящее время актуально исследование разделения рецептивной и продуктивной деятельности человека и оценка управления языковыми средствами именно с точки зрения этих видов деятельности. Выясняется, что «лексическая и грамматическая многозначность исключительно важны для рецепции, но не для продукции, а синонимия, напротив, важна для продукции, но отнюдь не для рецепции. При рассмотрении основных грамматических категорий русского языка в рецепции показана различная ценность этих характеристик при соотнесении их с действительностью» [Милославский 2020: 21]. При этом «укоренившееся в нашей науке и идейно, и организационно “уровневое” представление о языке, предполагающее деление и самого объекта, и соответствующих специалистов на фонетику, грамматику (словообразование, морфологию, синтаксис) и лексику, перекрываемое уже междуровневыми стилистикой, социолингвистикой, лингвокультурологией, ортологией и др., уже давно уличается во внутренней противоречивости и в пригодности по преимуществу лишь для рецептивной речевой деятельности» [Там же]. Продуктивные же виды речевой деятельности следует изучать на ономазиологическом принципе, то есть исходя из синтеза разнообразных языковых средств для номинации либо коммуникации некоего объекта. Признавая частичную справедливость такого вывода, мы, тем не менее, в данной работе всё же будем исходить из традиционного уровневого подхода к языку, поскольку в этой иерархии удобно анализировать языковые процессы и их потенциал в отношении языкового развития.

Если говорить о скорости языковых изменений по уровням языка, то быстрее всего трансформируется лексическая система (включая идиоматику и паремию), меняются значения слов, их семантическая структура, появляются неологизмы, другие слова, напротив, становятся архаизмами и постепенно исчезают из обихода. Вслед за лексикой с

некоторым отставанием меняются морфология (значимые морфемы) и стилистическая дифференциация слов.

Медленнее меняются словообразовательные и словоизменительные средства, а также синтаксис. Исследования в рамках исторического синтаксиса показывают (по крайней мере, в большинстве ностратических языков) следующие закономерности: исходным материалом построения сложного предложения является простое; первоначально языки знали только простые предложения, следующие друг за другом без союзов; затем появились бессоюзные сложные предложения, далее – сочинительные союзы, подчинительные союзы, местоимения, наречия; личная глагольная форма стала преобразовываться в причастную, деепричастную и глагольно-именную форму. С ранних этапов развития языков существовали как личные, так и безличные предложения. В словосочетаниях не было четкой границы между именной и предикативной группами, два рядом стоящих имени образовывали одно понятие, причем иногда трудно определить группу слов как словосочетание или предложение. В историческом развитии сложного предложения выделяются (условно) три этапа: 1) абсолютное преобладание простого предложения, 2) появление следов зависимых трансформ, разнообразных переходных конструкций, грамматически не устоявшихся, 3) оформление зависимых трансформ, исходным импульсом развития которых является объединение двух предложений по способу примыкания в самом раннем периоде исторического развития. Процесс трансформации и появления союзов, хронологически совпадающий с процессом развития сложного предложения, связан с развитием письменной речи. Трансформация подразумевала, что появлялись два (или более) грамматически выраженных подлежащих (соединялись два самостоятельных простых предложения); существовала также неполная трансформация, когда грамматическая целостность сказуемого сохранялась, но трансформировались вспомогательные средства, которые придавали конструкции подчинительное значение [Гаджиева, Серебренников 1986; Серебренников 1968].

Особо медленно меняется фонологическая система языка, хотя и эти изменения ощутимы. В разные периоды звуковые изменения или звуковые законы действуют по-разному, оставляя следы в сохраняющихся словоформах. Так, в XIII–XV вв. в русском языке действовал закон, согласно коему гласный [e] изменился в [o] после мягких согласных перед твёрдыми согласными: несь – нёсь, песь – пёсь, береза – берёза. Однако после действия этого звукового закона, то есть после XV в., произношение [e] в прежнем положении стало возможным: лѣсь – лес, верьхъ – верх, женьскій – женскій, включая заимствованные ‘аптека, библиотека, игротка, каверна, калека, карета, картотека’. Сохранились и следы этого звукового закона по настоящее время: сельский – сёла, веселье – весёлый, темень – тёмный. В современном русском языке действует ряд звуковых

законов, которые указывают на непрерывное и целостное единство истории языка и определяют своеобразие его фонетической системы. Например, в русском языке это закон слогового сингармонизма (со времён последней фазы праславянского языка, IX в.), закон регрессивной ассимиляции (сочетаемости глухих шумных согласных только с глухими шумными, а звонких согласных только со звонкими), аканье, редукция безударных гласных и т. п. Недостаточное изучение причин звуковых изменений связано с их (причин) множеством, включая психологическую тенденцию к аналогии, которая может перевесить много иных причин, а именно: внутриязыковые (так называемые, идиоматичные причины), а также влияние других языков и диалектов [Иванов 2003: 136-137]. В целом, фонетические изменения, наряду со словоизменением, носят наиболее регулярный характер на чисто лингвистическом уровне. Однако, как и прочие языковые уровни, фонетический уровень подвержен изменениям не только в силу лингвистических, так и в силу экстралингвистических причин, последние связаны с языковыми контактами (влияние фонетики языка-субстрата, языка-суперстрата), в том числе, в некоторых случаях они возникают в результате моды на подражание иностранному (ср.: англоязычная локализация артикуляции звуков у современных русскоязычных эстрадных певцов).

Графические изменения национального письма, напротив, более всего подвержены изменениям и рациональному/разумному вмешательству, планированию, однако ряд факторов закрепляет консервативность письма и не даёт письму постоянно изменяться в угоду произношению. Ср. соотношение фонетического и фонематического, морфологического и традиционного принципов орфографии, их непонятная в теории грамматики пропорция и исторический синтез, а также не изученные в философском и культурологическом аспектах идеи и принципы графики и традиции исторического письма: алфавита, графики, правописания.

Рассмотрим подробнее закономерности лексических изменений в русском языке, поскольку именно лексика наиболее активно участвует в процессах языковой инновации. Выделяют три главных способа изменения (расширения) словарного состава:

1. Семантический способ, включающий в себя семантические изменения (сужение, расширение, улучшение, ухудшение значений) и ономазиологические преобразования – первичную номинацию предметов и явлений, вторичную номинацию предметов и явлений путём их обозначения уже имеющимися в языке словами (как правило, на основе метафорических и метонимических сдвигов). Семантические изменения и переименования позволяют избежать ненужной избыточности лексических единиц в языке [Языковая номинация I, II].

2. Морфологическое словообразование – образование новых слов языка путем использования префиксов и суффиксов, словосложения, сокращения, конверсии и прочих морфологических средств.

3. Заимствование – процедура перенесения слова из одного языка в другой, а также непосредственно сам компонент, перенесённый с одного языка в иной. Потоки иностранных слов, проникающих из языка в язык, чаще всего соответствуют периодам политических изменений, технологических открытий, культурно-социальных реформ.

Если говорить о генетических лексических слоях внутри языка, то следует выделить слой лексики языковой семьи, слой лексики языковой группы, слой уникальной исконной лексики, возникшей именно в этом языке, и слои заимствований.

Уникальность русского языка заключается в том, что помимо становления собственной лексики он с самого начала строился, активно заимствуя слова из языков тех народностей, с кем русский народ непосредственно соприкасался. Так лексический состав русского языка исторически пополнялся словами греческого, латинского языков, а также тюркских, финноугорских, западноевропейских языков. В настоящий момент, как мы полагаем, унифицирующая ассимиляция языков мира к англоязычному стандарту, который декларирует себя как общемировой тренд, для русского языка, как и для других языков мира, в большей степени имеет отрицательные последствия, ведущие их в инобытие.

По происхождению лексики в русском языке важное место занимают славянизмы (около 59 %), тюркизмы (присутствие обширно, но точно определить сложно, возможно, 5 %), латинизмы (около 13 %), грецизмы (около 15 %), галлицизмы (около 2 %). Славянизмы в русском языке подразделяются на ранние: время формирования народности (VI–XVIII вв.), старославянские (церковнославянские) – книжные, зачастую абстрактные слова, относящиеся к эпохе становления христианства на Руси (X в.), поздние – исконные и заимствования, в основном из польского (XVII–XVIII века) и позднейшие (XIX–XX вв.). Существенную роль в увеличении числа абстрактных слов-понятий в истории русского языка сыграла христианская церковь. Так, просветители святые равноапостольные Кирилл и Мефодий в IX в. при переводе Священного Писания и богослужебных книг создавали и заимствовали из греческого и древнееврейского в церковнославянский абстрактные и конкретные (включая терминообразные) слова-понятия (например, авва, аггелъ, безводный, безвѣстный, беззаконновати и проч.).

Традиция тяготения к иностранному слову, латинскому или греческому, признание их научно убедительными, «терминогенными», т. е. способными к ёмкому и логически чёткому обобщению, началась в XVIII в., когда в России имело место повышенное внимание к текстам античного наследия и текстам естественно-научного свойства на латыни, их тщательное изучение и взятие за образцы. В то же время утвердилась мода на номинацию терминов с помощью фонографического конструирования или заимствования (транскрипции, транслитерации, калькирования) из латинского, греческого, позднее – из немецкого в русский философский и

научный дискурс, из французского в литературный, публицистический дискурсы, дискурсы культуры и искусства и, наконец, из английского.

Любопытно, что в немецком и особенно английском языках со времен протестантизма и пуританства (XVI в.) возобладало противоположное стремление к отходу от латинского, греческого и французского терминообразования и переходу на словотворчество на исконном морфологическом материале, которое только укрепилось в Новое и Новейшее время. «Креативный» пуризм, или «креативная» коренизация, в духе отрицания латинизмов, грецизмов, галлицизмов, а также греко-римской традиции пышной риторики, культивирование простого и ясного языка Библии, переведённой на национальные языки протестантами в Новое время, сыграли большую роль в становлении современной западной (прежде всего, англоскандинаво-германской) стилистики и риторики, западной словесности в целом. Тенденцию стимулирования «креативной коренизации» лексики мы сочли бы желательной и для русского языка ³.

В диахроническом разрезе в течение столетий словарь обогащался, смысловые отношения между словами множились, усложнялись и утончались. Как следует из рассуждений [Касаткин и др. 1989], эти изменения носили частично рациональный характер. Однако в семантических изменениях была и есть изрядная доля иррационального: многие из них, как мы увидим из примеров ниже, происходили посредством метонимических или метафорических переносов на основе случайных, необязательных отношений между первичным и вторичным значением, с синкретичными связями «смежность в пространстве», «сопредельность во времени», посредством алогической метафоры на основе случайных, необязательных связей между значениями. Рациональным здесь было преимущественно целеполагание – подыскивание имени для нового или видоизменившегося предмета, объекта. Здесь напомним также этапность языковых (в данном случае, лексических) изменений и основные процессы, характерные для каждого из этапов, выделенные рядом западных когнитивистов: репликация единицы – интеракция (общение,

³ Особо значимым периодом в утверждении национальной лексики в литературно-художественном творчестве была Гражданская война в Англии в 1642–1652 гг. и установление пуританства. Так, если до этого периода английская драма придерживалась традиций эвфуистического стиля, то после пуританского правительственного акта 1642 года, запретившего театральные постановки, драма пришла в упадок. Далее, в 1664 году в Англии был создан специальный комитет, целью которого была нормализация и улучшение английского языка (не столько в духе рестрикций, сколько в духе перехода с латинско-греческих на национальные формы). Значительную роль в регуляции норм сыграли нормативные грамматики, появившиеся в этот период, в том числе, «*Grammatica Linguae Anglicanae*», написанная на латыни Джоном Уоллисом (1653 г.), который выступал против слепой имитации латинских и греческих образцов. Джон Фелл в своем «Эссе по английской грамматике», опубликованном в 1784 году, заявлял: «Безусловно, дело грамматиста – выяснять, а не создавать законы языка». В этой работе автор не примеряет на себя роль законодателя лингвистических норм и стандартов, но пытается предстать дотошным регистратором и компилятором разрозненных фактов и закономерностей языка (цит. по [Galperin 1977]).

взаимодействие) – селекция (отбор наиболее удачного варианта из нескольких) – преемственность (наследование) [Hull 1988, Croft 2000]⁴.

Рассмотрим номинативные процессы на примере русского языка⁵.

1. Изменения в способах номинации. Названия могли даваться по различным (в том числе необязательным) признакам: по форме, свойствам, материалу, смежности, сопредельности и т. п. Ср. *стакан* (*достоканъ* – «из досок», от *дъска); *ведро* (родственно водá, нем. Wasser и проч.); *горшок* (от слав. *гъгъпъ, горн); *блюдо* (от гот. biudan "предлагать"; ср фин. заимств. röytä "стол"). В более позднее время распространилось наименование предмета по функции, и оно демонстрирует «прозрачность», мотивированность структуры (самолет, паровоз, ледокол и т. п.).

2. Изменения в гипо-гиперонимических, родовидовых отношениях между понятиями, ср. стол, скамья, лавка, кресло, ложе, одръ, кровать (из *ср-грч. κραββάτι*), с XVIII в. также диван, шкаф, буфет, табурет и др. объединяются под гиперонимом «мебель» (*франц. meuble* > нем. Möbel).

Организация слов по родовидовым признакам возрастает на последующих этапах развития русского языка (шапка, шляпа, кепка, папаха, фуражка... – головной убор; магазин, лавка, ларёк, палатка, лоток... – торговая точка; поезд, самолет, автомобиль, теплоход... – транспорт и т. п.).

Такого рода категоризация, оформленная языком, осуществляется на протяжении всей истории становления национальных сообществ. Значения гипонимов некоторых категорий, особенно абстрактных понятий, нередко нечётки, размыты (fuzzy). Некоторые из них не пересекаются и не сходятся по содержанию и объёму; порой у когипонимов отсутствуют гиперонимы. Ср. знаменитый пример Л. Витгенштейна для членов категории «игра»; также ср. слова «заклинание», «аффирмация», «мантра», «заговор», «настрой» и проч. – гиперонимы «аутотренинг»(?), «языковое самопрограммирование»(?). Многие абстрактные понятия, хотя и имеют установленное происхождение и встроены в систему неких теорий, верований и мифов, активно проникают в другие сферы, видоизменяя значения, ср. «синергия» (из теологии в теорию систем и другие науки), «эпифания» (из теологии в психологию), «окна Овертона» (из политологии

⁴ Ср. также максимы Руди Келлера, соответствующие упомянутым процессам в лингвистике: нормальная репликация: Максима 1: «Говорите так, чтобы вас понимали»; инновация: Максима 2: «Говорите так, чтобы вас заметили», Максима 3: «Говорите так, чтобы отличаться от других членов группы», Максима 4: «Говори в забавном, смешном и т. д. ключе, Максима 5: «Говори вежливо, приятно, очаровывай»; изменённая репликация: Максима 6: «Говорите так, чтобы не тратить лишнюю энергию»; селекция: Максима 7: «Говорите так, как говорят другие», Максима 8: «Говорите так, чтобы вас признали за члена престижной группы». В результате этих процессов происходит массовое принятие изменений из-за стремления населения идентифицироваться с престижной социальной группой [Keller 1994].

⁵ Примеры семантических изменений/номинаций в русском языке взяты из [Касаткин и др. 1989], [Словарь Филолога URL: <https://slovarfilologa.ru>], а также из собственных материалов.

в социологию, культурологию), «эгрегор» (из оккультизма, эзотерики в культурологию и социальную психологию) и др.

3. Изменение синонимических отношений слов. Как отмечается в [Касаткин и др. 1989], на смену дублетности как свободной вариативности приходят отношения на основе «функциональной необходимости»; это слова, несколько отличающиеся по значению и употреблению, представляющие собой идеографические и стилистические синонимы с разнообразием семантических оттенков и объединяющиеся в синонимические ряды. Полагаем, что в приведённом рассуждении богатство оттенков значений оценивается по достоинству, но в качестве критерия прогрессивного развития абсолютизируются обособление значений, привязка значений к тем или иным употреблениям, функциональный принцип номинации. В таком взгляде преувеличивается статика и структура, не учитывается динамика бытования, «дух» языка. В динамике синонимия с тонкой нюансировкой значений способна обогатить язык, а отсутствие синонимии может обеднить его. Это касается даже областей, где преобладает однозначность и строгость понятий, например, терминологических систем. Ср. исследование, сопоставляющее синонимы лесоведческих терминов в русском языке, где действует принцип «нулевой синонимии» в терминологии, и в немецком языке, где синонимия терминов допускается [Тилова 2021].

Приведём примеры упорядочивания дублетов. В древнерусском языке глаголы «помышляти, размышляти, думати» имели общее значение ‘думать’; в языке XVIII–XIX вв. они приобрели разные значения и закрепились за разными контекстами (ср.: «Я и не помышлял о таком успехе! Ср. также строки из письма А. С. Пушкина П. А. Плетнёву: «во сколько комнат нужна мне квартира? Был бы особый кабинет – а прочее мне всё равно» (совр. рус. «отдельный»)) [Касаткин и др. 1989].

При пополнении языка заимствованиями происходит увеличение синонимических рядов, причем отношения между «своим» и «чужим» сказываются на семантике и стилистической окраске. Замечено, что «чужое» тяготеет к книжному стилю, а «своё» – к нейтральному и разговорному. Приведём примеры А. П. Крысина: французское «boutique» в переводе на русский язык означает «лавочка», но при использовании слова в русском языке приобретает более престижное, солидное определение «магазин модной одежды», ср. также shop – шоп, hospice – хоспис и проч. Ученый отмечает: «Ощущаемый многими большой социальный престиж иноязычного слова, по сравнению с исконным, иногда вызывает явление, которое может быть названо повышением в ранге: слово, которое в языке-источнике именуется обычным, рядовой объект, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более

престижному»⁶. Так тяготение к иностранному слову и признание его термином оборачивается своей гротескной стороной.

4. Развитие полисемии и широкозначности (эурисемии). Полисемия в русском, как и в любом другом языке, развивалась на основе комбинации категориального и прототипического изменения значений [Geeraerts 1985, 2017], при этом первое носило более размытый и сглаженный характер, тогда как второе знаменовало более резкий и одномоментный переход. Пример категориальной полисемии: гладкий (о поверхности, море и т. п., волосах, чешуе, коже, стиле, речи), ткани (без рисунка), материи, работе (= слаженный), функции, работе механизма, мышцах и т. д.); пример прототипической полисемии: ручка (человека, пишущая, ведра, чайника, ложки, кресла, двери, ящика, лопаты, механизма, штурвала, регулировки, инструмента, кайлы, молотка и т. д.). В целом, семантическая структура и морфологический состав слов могут варьироваться от употребления к употреблению, они во многом являются размытыми, зыбкими, несущими потенциал видоизменения и номинации новых предметов и явлений. Чёткое разграничение значений, без зыбкости, размытости, зон неопределённости касается преимущественно прототипических (денотативных) значений и не касается значений категориальных (сигнификативных). Поэтому прототипическим структурам значений слова свойственна многозначность, а категориальным структурам в большой степени – широкозначность. Но даже прототипические семантические изменения и прототипическая полисемия в диахронии демонстрируют постепенное, частичное семантическое варьирование.

Такого рода размытость значений демонстрируют статьи некоторых ранних англоязычных словарей. Ср. статьи в одном из словарей Merriam-Webster ⁷, где значения не выделяются, но даются толкования слов. Семантические нюансы, порой энантиосемичные, приводятся в нем через перечисление, причём как в абстрактных словах (*apparent*, *discursive*, *estimate* и т. д.), так и в словах, обозначающих конкретные понятия. В качестве примеров:

Apparel < [ME < OF < L *apparare* < a-, 'to' and *parare* 'to fit'.] Clothing; vesture; garments; dress; external array. Naut. the garments > the masts, sails, furniture, etc., of a ship.

Apparent – [ME < OF < L *apparens*, *apparentis*, < *apparere* 'appear'] Visible to the eye; within sight or view; appearing to the eye or to the sight or to the judgement, seeming, often in distinction to real; obvious, plain; capable of being understood; evident: in the latter case now used only as a predicate. – Heir apparent, the heir who is certain to inherit if he survives the present holder; one who has a claim и т. д.

⁶ Крысин Л. П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. Пермь: Перм. ун-т, 2002.
URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin02.htm>

⁷ New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition. Delhi: Surjeet Publications, 1993.

Исходя из закономерности языкового развития, предполагающей внутренне присущий слову импульс становления и роста в соответствии с онтологией языка, отметим разумность краткой историко-культурной интерпретации значений в словарях, по крайней мере, диахронических, построенных на исторических принципах. Возможна также демонстрация некоторой «текучести» в дефинициях многозначного слова и слов-синонимов, приведение оптимального числа его контекстуальных употреблений, при этом (желательно) постоянно обновляемых в реальном времени по мере пополнения языковых корпусов.

5. Увеличение омонимии и паронимии. Фонетические и морфологические изменения, а также заимствования способствуют возникновению омонимов, ср. 'есть' – 'принимать пищу' и 'есть' – 'имеется' (ѣсти > ѣсть); 'ведро' – 'ясная погода' (цслав. ведръ 'ясный', родственно д.-в.-н. wetar, нов.-в.-н. Wetter 'погода') и ведрó (др.-русс., ст.-слав. Вѣдро, στῆμνος, родственно водá). Заметим, что омонимия в русском языке в связи с его синтетическим характером не столь выражена, как в аналитических языках. В синтетическом русском языке такого рода неоднозначность и семантическая амплификация появляются скорее в результате паронимии – сходства, но не омонимической идентичности звучания/написания слов. Например, ровный – равный, ср.: авест. ravañ- ср. р. 'свободное пространство, простор', ravasčarāt- 'то, что движется на свободе', ирл. róe, róí 'ровное поле' (*rovesiā), лат. rūs, rūris 'земля, поле, сельское поместье, деревня', др.-прусс. argwīs 'настоящий, определённый', англосакс., д.-в.-н. gūm 'помещение'.

6. Изменение лексической сочетаемости. Ещё более вариативным, чем границы значений слова, его морфологический состав и дублетность/синонимия, представляется употребление. Как отмечается в [Касаткин и др. 1989], если ранее словам была свойственна большая свобода сочетаний, с развитием языка возрастает избирательность слова в его сочетаемости и усиливается идиоматичность (устойчивость коллокации и коллигации) самих словосочетаний. «Произвести влияние», «производить панику», «случилась радость», «очень помню вас», «совершенно понимал своего приятеля», «слишком знаю их точку зрения», «пачка ключей», «безвыходное уныние» – эти и подобные обороты можно встретить не только у А. И. Герцена, Д. И. Писарева, Г. И. Успенского, раннего Л. Н. Толстого, но и в письмах А. Блока, рассказах А. И. Куприна, повестях А. Н. Толстого. Ср. нормативная сочетаемость этих слов в современном языке: оказывать влияние, сеять панику, случилось радостное событие, хорошо, отчётливо помню вас, хорошо (вполне) понимал, слишком хорошо знаю, связка ключей, безысходное уныние.

Таким образом, лексическая сочетаемость становится утончённее, нюансированнее, и в то же время обязательнее. Словесные средства, составляющие коллокации, становятся разнообразнее, но и более жёстко нормированными. Однако стандартизация сочетаемости, подобно

чрезмерной нормированности и стандартизации номинаций (в том числе, фиксированной сочетаемости словообразовательных морфем), обедняет язык, сокращая способы выражения и пресекая нестандартные употребления. Тем самым, на наш взгляд, обедняется и лишается точности сама мысль и её глубина. Так, ещё в XIX–XX вв. учёные, как правило, излагали свои мысли свободным и ясным языком, понятным и неспециалистам⁸. Их ясные и чёткие высказывания выгодно контрастируют с часто встречающимися маловнятными пассажами из современных филологических диссертаций, обусловленными как канонами стиля и жанра, так и (что немаловажно) жёсткими ограничениями сочетаемости.

Особо остановимся на таком свойстве номинации в русском языке, как дедуктивность. Проявляется она в следующем. Русский язык в связи со своим синтетическим строем стремится к более чёткому закреплению значения за тем или иным обозначением, к меньшей полисемии и эурисемии. Словари показывают наличие большей чёткости в разграничении словарных значений слова в русском языке, чем в английском. В английском как аналитическом и индуктивно-номинативном языке нередко наблюдается слияние, размытость значений. *Ср.* примеры словарных статей выше из словаря *New Webster's Dictionary of the English Language (College Edition)*, где оттенки значений (семантические варианты) приводятся перечислением через запятую.

Есть основания утверждать, что когнитивно-концептуальные различия народов отражаются в их языках и, наоборот, языки обуславливают когнитивно-концептуальные особенности (из недавних исследований в области «лингвистической относительности» см. [Thibodeau, Voroditsky 2015; Voroditsky 2003]). Сам стиль мышления различается в зависимости от языка и культуры. Культурологи считают, что англоязычный когнитивный стиль (равно как и английский язык) является индуктивным в логическом аспекте, а русскоязычный и немецкоязычный стили мышления – в большей степени отражают дедуктивный логический тип (см. на примере научного стиля [Силкина 2021]). Это отражается и в текстах, и в речи, и в дискурсах, создаваемых в рамках тех или иных культур. Согласно семантическим и контент-анализам, в среднем в

⁸ Ср. стиль изложения в рассуждениях: «Нет и не может быть в речи человеческой или в языке ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим, <...> речь основана на общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма и сообщать их существам, ему подобным, то есть другим людям» (И. А. Бодуэн де Куртэнэ); система языка – это «...некая социальная ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы, объективно данное в условиях жизни этой группы» (Л. В. Щерба, с. 24–25); «Только рассматривая высшие психические функции как продукт синтезов, мы научаемся правильно распознавать их отношения с низшими, или элементарными процессами. Связь эта двоякая. С одной стороны, высшие психические функции возникают не иначе, как на основании низших: в конечном счёте, они представляют собой не физиологические процессы нового сорта, а известное сложное сочетание, сложный синтез тех же элементарных процессов» (Л. С. Выготский); «В наших исследованиях мы обратили внимание на существенное отличие поведения ребенка в шимпанзеподобной ситуации. Оказалось, что ребёнок, стоящий перед задачей овладеть какой-либо целью с помощью орудия, не только действует с ним, но и разговаривает» (ibid.).

семантическом ядре текстов на английском языке содержится большое количество конкретно-понятийной и антропоморфной лексики, а также местоименных, дейктических и служебных слов. В русскоязычных же текстах в среднем наблюдается баланс конкретных и абстрактных слов с некоторым преобладанием абстрактной (или обобщённой) лексики, при этом антропоморфная лексика используется реже (см. на примере поэтических текстов [Шелестюк, Шкарин 2021]). Бесконтрольное заимствование языковых единиц, структур, речевых практик из английского языка в русский предположительно воздействует на сам когнитивный стиль русскоязычных носителей, делая его более индуктивным, однако такие трансформации непредвиденны, «контингентны», их польза сомнительна.

Дедуктивность русского языка и индуктивность английского любопытным образом преломляются и в своеобразии этапов их изучения и употребления – они, собственно, объясняют разные уровни сложности этих этапов. Так, автор книги “Why Russians Do Not Smile” Люк Джонс уподобляет русский и английский язык прямой и перевернутой пирамидам. Изучение русского языка достаточно трудно начинать в связи со сложной грамматикой, морфологией и множеством исключений, но, если начальный период успешно преодолен (что, по наблюдению, достигается отнюдь не многими западноевропейцами), то затем обучение приобретает более простой характер в связи с достаточно эксплицитной, логичной и при этом стандартизированной и нормализованной речью. Английский же язык на начальном этапе изучать проще (за исключением, возможно, фонетики), в нём более простые по сравнению с русским грамматика и морфология, однако на уровне речи английский язык изучать и употреблять, возможно, труднее, поскольку он характеризуется большой смысловой имплицитностью, структурным и лексическим разнообразием и идиоматичностью. Таково субъективное мнение англичанина, не лишённое рационального зерна. Мы полагаем, что указанная закономерность связана именно со свойствами дедуктивности и индуктивности соответствующих языков и речи на них. В дедуктивности русского языка одновременно его сила и слабость. Сила – в ясной логической концептуализации и языковом выражении окружающего мира, слабость – в недостаточной гибкости семантических изменений, периодическом «закостенении» номинаций и употреблений понятий, перестающих отвечать реальности и целям развития.

Рассмотрим теперь роль субъективных факторов в развитии языка как системы. Как утверждают [Касаткин и др. 1989], принципом нормализации в русском языке в течение длительного времени являлось избавление от избыточных средств языка. Этот факт можно считать ориентацией на рецепцию, а не на производство речи. Ведь в процессе речевой деятельности человек исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего. При этом интересы говорящего и слушающего не совпадают и даже противоположны: говорящий заинтересован в экономии речевых усилий, в

свёртывании форм высказывания, а слушающий, напротив, хочет, чтобы всё выражаемое говорящим было максимально понятно, и, следовательно, в интересах слушающего получать эксплицитные, явно выраженные сообщения от говорящего [Панов 1963, Крысин 2021].

Ограничительный нормализаторский подход, применяющийся к русскому языку, касается всех языковых уровней. При этом за аксиому берется естественное становление языка; факт редкого употребления связывается с тем, что язык «сам очищается от средств, не способствующих эффективной коммуникации», например, от так называемых лексических «дублетов». Такая точка зрения отражается в указанном выше учебнике [Касаткин и др. 1989], в котором отмечается, что по сравнению с современной древнерусская лексика была менее организованна как система, вещь, свойство, понятие могли обозначаться не одним, а несколькими словами, между которыми не было каких-либо чётких смысловых различий (облестъ и обманъ; поличити и уличити; свѣтъ, сіяніе и свѣтительство; требуемый, нужный и полезный; благый, добрый и милосердый, заблужденіе и блудъ, по образу и подобию и т. п.). В более позднее время ещё сохранялась дублетность лексических средств (например, в XVIII в. толщина, толстота, толстость), но по мере развития русский литературный язык вместе с его грамматистами избавлялся от дублетности, вариативности названий в соответствии с коммуникативными потребностями. «В лексике сохранялось лишь то, что было связано с различием смысла или со стилистическими оттенками» [Там же]. Что касается XIX–XX вв., а также современности, то можно констатировать, что русский язык становится всё более жёстко нормализованным и ограниченным в отношении словообразования и словоупотребления.

Но является ли этот процесс языковой редукции всецело объективным, закономерным? На наш взгляд, нет. Важную роль здесь играет целенаправленная деятельность составителей словарей и справочников, которые продолжают исключать из словарей «избыточную», «дублетную», «квазисинонимическую» лексику, наряду с архаизмами и окказионализмами.

Между тем, против жёсткой нормализации, конвергенции и унификации языковых средств можно привести несколько аргументов.

Во-первых, помимо собственно денотативной семантики, в структуре значения важны коннотации, семантика внутренней формы (этимона), фоносемантика, морфосемантика. В этой связи длинные ряды идеографических, стилистических и смешанных синонимов очень ценны. Синонимы отличаются по дистрибуции, коннотациям, стилю, они могут привносить в высказывания специфический смысл, противоречивые оценки, вплоть до противоположных.

Во-вторых, нечёткость смысловых различий, текучесть и семантическая размытость – неотъемлемое свойство семантики слова, которое затрагивает и лексическую парадигматику: семантические поля,

паронимию, синонимию, антонимию, гипо-гиперонию, метонию, энантиосемию. Размытость, перетекание семантики отражает нелинейную логику языка, которая, в свою очередь, обеспечивает его коммуникативную гибкость. В этом смысле отбрасывать парадигматические варианты – «дублиеты» – значит, отрицать законы этой внутренней логики языка.

В-третьих, семантическая структура слова – это, собственно, совокупность окружающих его смыслов в существующем языковом материале, во всех встретившихся контекстах его употребления, эффективно регистрируемых и накапливаемых в настоящее время в национальных корпусах текстов. Различия словоупотребления в определённом контексте закрепляются за словом в виде словарного значения, однако получившиеся фразы полуустойчивы и полусвободны, т. е. допускают определённое варьирование. Эти фразы сродни фразеологическим сочетаниям по В. В. Виноградову, готовые речения с различной частотностью и встречаемостью в дискурсах. Таким образом, использование синонимов часто определяют сами фрагменты дискурса – контексты, в которых более уместны одни варианты и менее – другие.

Всё это означает, что избавление от т. н. «избыточной» лексики и значений в окказиональных употреблениях посредством строгой нормализации и стандартизации языка обедняет его лексический состав, морфологические и словообразовательные средства, лишает язык/речь динамики и делает менее успешной коммуникацию в смысле недостаточно тонкого выражения смысловых нюансов в зависимости от контекстов и целей говорящих.

Кроме того, нормализация в виде избавления от «избыточных» слов не способствует, а препятствует исконной языковой креативности, ведёт к «усыханию» собственно языкового и речевого творчества, во всяком случае, со стороны обычных непрофессиональных носителей. С другой стороны, как явную тенденцию следует констатировать неконтролируемый процесс заимствований в русский язык из других языков (прежде всего «мирового» лингва франка – английского), порой без ассимиляции. Это, на наш взгляд, способствует форенизации самого типа мышления принимающей части русскоязычной культуры.

Английский язык, например, не избавляется от дублиетов, образованных с помощью разных словообразовательных или заимствованных средств, но превращает их в идеографические/стилистические синонимы или закрепляет в семантически изменённом виде. Кроме того, английский язык свободно актуализирует в стилистически подходящих контекстах устаревшие и устаревающие слова и за счёт гибкости словообразовательных средств легко порождает неологизмы и окказионализмы. Активное включение всей лексики, включая архаическую, окказиональную, специальную, диалектальную, жаргонную и проч. в речь и словари расширяет нормы и увеличивает количество зарегистрированных слов в словарях английского языка по сравнению с

другими языками, включая русский. Так, Oxford English Dictionary содержит около 500 000 словарных статей, а в Большом академическом словаре русского языка зафиксировано 150 000 слов, хотя, судя, например, по свободно пополняемому словарю multitrans.com, их намного больше, возможно, лишь немногим меньше, чем в английском.

Уместно напомнить, что информационная функция языка осуществляется с помощью регулярных, повторяющихся, стандартных средств, а экспрессивная, напротив, обеспечивается средствами необычными, нерегулярными, выбивающимися из стандарта; в речевой деятельности человека и в функционировании языка две эти тенденции постоянно сталкиваются, конкурируют [Панов 1963, Крысин 2021]. Однако экспрессивная функция языка может перетекать в информационную, добавляя определенную прагматическую информацию, видоизменяя фактологическую. Жёсткая нормализация языка и речи препятствует реализации экспрессивной функции языка, одновременно ограничивая функцию собственно информирования.

Лексическая семантика и употребление текучи и многосмысленны, они призваны гибко приспосабливаться к выражению смыслов говорящих. В этом плане нами отрицается жесткая лексическая нормализация как принцип обеспечения чистоты речи, влекущая за собой элиминацию лексических дублетов, слишком решительное, радикальное избавление от архаизмов и слишком осторожное введение неологизмов и окказионализмов, что в совокупности сокращает количество и контекстуальное нюансирование лексики и, соответственно, выражаемых ею смыслов. Мы считаем, что о развитии языка можно говорить, если происходит усложнение лексической системы, накопление лексики, отражающей приумножение понятий и концептов, обозначенных этой лексикой.

Если определенную неупорядоченность и усложненность можно считать достоинствами в лексике (семантике, парадигматических и синтагматических отношениях лексических единиц), то в грамматике их в большой степени можно отнести к недостаткам. Речевая деятельность – основная составляющая языка в широком понимании, именно она способствует развитию языковой системы, с одной стороны, и выступает индикатором успешности выполнения языком коммуникативной функции, с другой. В настоящее время можно констатировать достаточно большие препятствия для коммуникации без помех на русском языке по сравнению с английским языком. Препятствием к развитию является, прежде всего, методологическая неполнота русской грамматики, а именно, избыток недостаточных форм при расширенной, разветвленной системе склонений и спряжений. Недостаточные формы в свою очередь порождают ограничения сочетаемости, а значит, недостаточную гибкость словоупотребления.

Кроме того, заметим, что для разных аспектов синтаксиса и морфологии действуют разные закономерности коммуникативной успешности языка. Разнообразие тех или иных словообразовательных средств может свидетельствовать об эволюции, прогрессе, развитии языка (они способствуют увеличению лексики в историческом становлении, в диахронии). Повышает коммуникативный потенциал языка и обилие синтаксических оборотов, союзов, выражающих те или иные логические связи. В то же время, изобилие словоизменительных морфем, сложные системы склонения и спряжения, множественные исключения из правил, неполные парадигмы, недостаточные формы отдельных частей речи затрудняют выполнение языком его коммуникативных функций, следовательно, тормозят языковую эволюцию и нуждаются в решении, преодолевающим силу тенденции языковой энтропии.

Итак, обогащение и разнообразие словообразовательной и синтаксической систем могут свидетельствовать о языковой эволюции, а чрезмерная усложнённость словоизменительной системы, нарушение последовательности применения языковых законов и обилие исключений из грамматических правил (в т.ч. как следствие пристрастной нормализаторской деятельности) могут вести к языковой деволуции.

Каково положение аспектов словообразования, синтаксиса и словоизменения в русском языке в настоящее время? Следует констатировать, что современное русское словообразование является довольно закостеневшим и реактивным, способным выстраивать гибридные заимствованно-исконные лексемы, но слабо работающим на исконном корневом материале – если говорить о литературном языке. Исконный синтаксис литературного регистра русского языка также находится в «анабиозном» состоянии, синтаксические структуры застыли на уровне канцелярита XX века, также распространено заимствование англоязычных синтаксических паттернов путём «сплошной кальки». Что касается словоизменения, то в русском языке оно является сложным, причем имеет множество исключений, что затрудняет коммуникацию, не позволяет языку эффективно выполнять его основную – коммуникативную – функцию.

Находящийся в таком положении русский язык, как нам кажется, может не преодолеть достаточно агрессивное внедрение в него англоязычной лексики и синтаксиса и не сумеет ассимилировать их. В этом случае мы вновь можем говорить о возможной незапланированной перестройке лингвокогнитивного строя русскоязычных носителей.

Выходом из создавшегося положения, на наш взгляд, должен стать *планомерный* подход к развитию каждого из языковых аспектов и уровней, а также к развитию языка и речи в совокупности, в перетекании одного языкового умения в другое. При этом в целенаправленном развитии каждого уровня языка стоит учитывать как целесообразность, так и принцип *фасцинативности* – привлекательности, эмотивности, загадочной или аллюзивной эвокативности семиотических объектов на языке. Например,

возрождение интереса к древнерусской, церковнославянской письменности можно осуществлять с помощью разработки эстетикодекоративной графики наподобие готического письма, но не на германо-латинском, а на отечественном, церковнославянском, кириллическом материале. В совокупности с многовековым знанием, которое даёт раскрытие содержания каждой буквы, для молодого человека может таить несказанное очарование и эстетическое удовольствие начертание и созерцание таких писем, а от такого начертания и созерцания затем легче перейти к прилежному, глубокому чтению и постижению смысла древних русских и славянских рукописей.

В целом подсознательные процессы в восприятии «своего» и «чужого» в языковом развитии и взаимодействии языков должны изучаться с большей тщательностью. В частности, стоит изучить результаты высокой степени привыкания к иностранным словам и, напротив, отвыкания от исконных, фактически, порождающего инверсию восприятия «своего» и «чужого» у носителей национальных языков. Важный психологический закон таков, что нам нравится то, что дает эффект узнавания и привлекательно по форме, и не нравится то, чего мы не узнаём, что кажется странным и несообразным. В настоящее время можно констатировать, что попустительское внедрению латиницы в кириллические тексты привело к восприятию такого положения как нормального, латинский шрифт в кириллических текстах воспринимается людьми, даже не знающими как следует английского языка, как должное.

Более того, русский язык перестает ассимилировать заимствованные из английского наименования. В настоящее время мы наблюдаем на законодательном уровне проникновение в кириллические тексты латинских графем и символов: Covid-19, QR-code, а также систему обозначений автомобильных знаков и номеров, разнообразные рекламные тексты и т. п. Аналогично на латинице в современных информационно-публицистическом, научном и официально-деловом стилях часто пишутся имена собственные, связанные со странами, где принята латиница.

Внедрение английского языка в раннее обучение порождает более богатое и разнообразное лингвистическое и культурологическое образование на нём по сравнению с родным языком, благодаря чему даже тексты на древнеанглийском воспринимаются как более знакомые, чем на древнерусском и церковнославянском, которые не изучаются в средней школе и в меньшей степени, чем древнеанглийские, изучаются в высшей школе. К сожалению, изучение истории родного языка даже на филологических факультетах университетов оставляет желать лучшего.

Завершая пункт о системно-лингвистическом аспекте языкового развития, заметим, что многообразие языков отражает и выражает многообразие мировидения идеального и материального миров. Утрата языков, как и утрата элементов языков: прежних слов, эйдосов, концептов – обедняет общечеловеческое мировидение, делает язык как совокупность

аспектов мира ущербным для принятия мудрых решений общемирового характера. Это понуждает нас беречь исконные языки, а также историю, прошлое языков как залог грядущего языкового развития.

Дискурсивно-стилистический аспект языкового развития

Дискурсивно-стилистический аспект языкового развития означает развитие разнообразных форм речевой деятельности, накопление и анализ языкового материала, развитие норм и стандартов речевой коммуникации, разнообразие стилей, жанров, дискурсов, подязыков внутри различных сфер общественной деятельности. Обсудим этот аспект на материале истории русского языка. В отличие от западноевропейских стран, в которых эталоном для формирования высокого стиля была латынь, на Руси в качестве идеала, эталона утвердился византийско-греческий высокий стиль через церковнославянский язык Святого Писания и Предания. Становление национальной формы русского литературного языка длительное время проходило эволюционно на основе синтеза древнеславянской (церковнославянской) и русской языковой стихий. В X–XVII вв. огромное влияние на древнерусский, а потом и русский литературный язык оказывали византийские («эллинославянские/греко-славянские») стили церковнославянского письменного богослужебного и литературного языка.

Начало русской книжной традиции было обусловлено христианизацией Руси. Датой крещения Руси (988 г.) знаменуется первое южнославянское влияние на русский язык. С принятием христианства в качестве государственной религии церковнославянский язык получает статус языка официального культа, что создаёт предпосылки для его функционирования в качестве литературного языка восточных славян [Успенский 2002]. Второе южнославянское влияние в истории русского литературного языка (XIV–XVII вв.) может рассматриваться «как попытка регенерации старых языковых норм, восходящих к кирилло-мефодиевской эпохе (южнославянский извод церковнославянского языка воспринимается при этом как более архаичный)» [Там же].

Из южнославянского церковнославянского языка брались модели, которые стимулировали производство новых слов и выражений, – словообразовательные, стилистические, орфографические и т. д. Новая манера письма и устной речи характеризовалась как своеобразное «плетение словес», она создала особый *витийственный*, или витиеватый, стиль, широко использующий сложные слова, аллюзии, метафоры, риторические украшения, синонимические повторы, параллелизм и т. д. В церковнославянском языке появилось множество неологизмов, «внешне имеющих приметы церковнославянского происхождения, но в действительности никогда не употреблявшихся в церковнославянских текстах» [Там же]. Непродуктивные аффиксы стали продуктивными, ср. суффиксы -тель, тельн- [Keipert 1970: 151, 39], например, читатель,

хвалитель, основатель, разсудитель; оболгательный, разсудительный и др.⁹; приставки со- и воз-.

Появилось значительное количество сложных слов, состоящих из двух и более элементов, не заимствованных из какого-либо церковнославянского текста, а представляющих собой неологизмы, например, *младорастущая ветвь* (Епифаний Премудрый), *всегорделивый*, *каменноградный*, *благоумильный* и т. д. Появление сложных слов непосредственно обусловлено ориентацией на греческий язык, они следуют традиции, идущей от второго южнославянского влияния.

Также наблюдался рост литературного значения «светских» (деловых, публицистических, повествовательных) стилей русского письменного языка, расширение литературных прав бытовой речи. Две тенденции своеобразно переплелись. Образованные книжники из монашества, духовенства и высшая знать культивировали высокие риторические стили церковнославянского языка, продолжая традицию византийского «совершенного витийства». По «внутренним формам» ощущалась связь церковнославянского языка со среднегреческим. В эллино-славянских/греко-славянских стилях русского литературного языка культивировалась «высота», «извитіе словесъ», преобладали торжественные, нередко сложные слова: *разнопестровидный*, *разумоподательный*, *върокръпительный* и т. п. у Ф. Поликарпова: *рикохудожествовать*, *адоплетенный*, *тельцоліяніе* и др. у Епифания Славинецкого; *гордовысоковійствовати*, *всевидомиротворокружная* и т. п. у Кариона Истомина, риторически изощренные, цветистые фразеологические обороты, ср. *сумма-воздержанія*, *богокованный цѣломудраго воздержанія гвоздь* и другие усложнённые синтаксические конструкции. Грамматические формы образуются и употребляются в соответствии с нормами, определенными «славянской грамматикой» Мелетия Смотрицкого [Виноградов 1945, 1958]. Образность, символы, метафоры, аллегории, аллюзии, да и семантика, фразеология и синтаксис в целом отличали эллино-славянские/греко-славянские стили от латино-славянских. Сложившаяся система органически вошла в смысловой строй высоких стилей славянских языков.

Много сложных неологизмов остались на уровне окказиональных образований, нередко состоящих из большого числа компонентов. Ср. созданное в эпоху Петра I грамматическое сочинение «Технология» Федора Поликарпова (1725 г.), которое приводит примеры таких сложных слов: *всепокорнослужимый*, *премудростенаставляющебогатодарователь* и др. Но многие сложные слова, возникшие в этот период, закрепляются и из

⁹ Продуктивность этого суффикса проявляется в том, что он стал выступать средством номинализации глагольных конструкций с сохранением у имени деятеля модели глагольного управления, ср. в сатире XVII – начале XVIII в. «Служба кабаку»: «Нагие, веселитесь, се бо вам подражатель явися, голоду терпитель» (Адрианова-Перетц, 1977, с. 38); ср. еще характеристику Ф. Ю. Ромодановского в «Гистории о царе Петре Алексеевиче...» Б. И. Куракина: «Превеликой нежелатель добра никому» (Архив Куракина, I, с. 65).

церковнославянского языка попадают в русский [Виноградов 1958: 109–110].

Во время церковного раскола всё больший вес приобретали формы латинского высокого стиля, чему активно противились сторонники византийско-греческих образцов. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»), один из вождей и мучеников раскола, пишет: «...Он, Никон, словенское наречие превращал и будто лучшее избирал и печатал вместо *креста – древо*, вместо *церкви – храм*, вместо *обрадованная – благодатная* и прочие речи изменил...». Протопоп Аввакум подчёркивал своё «небрежение о красноречии», «о многоречии красных слов», называл свой язык «просторечием», «природным» т. е. исконным русским языком, противопоставляя его «виршам философским». В его речи стили разговорно-бытового русского языка сочетались с церковнославянскими, но не витийственными стилями. Вообще, в демократических раскольничьих стилях русской литературной речи XVII в. живая народная речь была вовлечена в смысловую атмосферу церковнокнижного языка и, так сказать, «освящена» им [Виноградов 1945, 1958].

Можно констатировать, что создалась своеобразная атмосфера идеологического «освящения» народного языка церковнокнижным, возвышения его до уровня литературного. В целом, следствием эллинославянского языкового взаимодействия стало то, что великое множество переводов с церковногреческого и среднегреческого на церковнославянский образовало основу для постепенного создания сложной парадигмы функциональных форм существования тогдашнего русского национального языка и его внутренней диалектической оппозиции: древнерусский (в его двух формах: разговорно-обиходной и культурно-обработанной) и церковнославянский (в его разных стилистических, жанровых и диахронных формах) варианты. Такая диалектическая противоположность подобна оппозиции в греческом языке Средних веков и Нового времени: койнè/аттицизм, а позднее димотика/кафаревуса. Главный признак такой противопоставленности – высокая языковая норма противостоит различным обиходным формам, то есть духовное противопоставляется обмирщённому (т. е. свѣтскому, мірскому). Присутствие «высокого языкового идеала» стало основным условием высокой, одухотворённой словесной деятельности, своеобразным способом воспитания духовности.

Итак, между высокими и разговорными стилями в русском языке осталась значительная граница. Данная проблема как нельзя более актуальна для современной русской словесности. Напомним о непрекращающихся попытках ввести не просто обиходные, но низовые формы языка в язык литературных произведений, о попытках стереть различия между высокими и низовыми языковыми идиомами (то есть функциональными вариантами языка), о «поновлении» церковнославянского языка [Славятинская 2014: 188–189]. Стоило бы

оценить эту направленность количественно и качественно через лексические изменения и через аналитику состояния высокого стиля в национальном языке.

В целом, у идеи смешения «высокого» стиля с «низким» в русской словесности было большое количество оппонентов, считавших такое положение смертью культуры языка. Поэтому, в отличие, например, от англоязычных стран (см. пункт выше «Системно-лингвистический аспект языкового развития»), разговорный стиль в России так и не проник в большой степени в литературный язык и высокую словесность.

С конца XVII в. русская лексико-фразеологическая система начала приспособлять к словообразованию церковнославянского языка заимствования из западноевропейских языков, преимущественно из немецкого, с помощью калькирования. Ср. в пьесе «Юдифь»: *живи благо* (lebe wohl); *отключити* (aufschliessen); венцы *осажденные* (besetzt); осадят пути стражею; *беспохвальный народ* (unlobliches Volk); *отмиуся над* сими псами (sich rachen), в пьесе «Сципио Африкан, вождь римский, и погребение Софонизбы, королевы нумидийская»: *счасть-падение* (Gluckfall); побеждение на обе стороны *висело* (schwebte) и др.

В XVII–XVIII вв. шло достаточно активное заимствование русским языком западноевропейских понятий из официально-письменного, публицистического, общественно-делового, светско-бытового стилей литературной речи. Произошло стилистическое расслоение в письменно-книжном языке, промежуточном между церковно-литературной речью, социальными разновидностями письменно-бытовой речи и устным просторечием. Свою обеспокоенность будущностью языковой культуры отмечал К. С. Аксаков: «...язык церковнославянский становится орудием произвольных вымыслов... поразительно звучат в нём, резко противопоставляясь с его характером и формами, тривиальные народные и иностранные слова и выражения, на которых лежит печать современности... Этот беспорядок, это странное, будто бы разрушающееся состояние указывает на новый порядок, на новую жизнь, уже ближающуюся и смутившую прежнее состояние...» (цит. по [Виноградов 1945]).

Теория трёх стилей М. В. Ломоносова сгладила противостояние, отведя каждому языку, точнее «подязыку», или «штилю», свою сферу применения («высокую», «среднюю» и «низкую»). Трёхстилевое упорядочение вело к выработке фонетических, морфологических и иных грамматических и лексико-фразеологических различий. Для высокого слога разрабатывались особые риторические приёмы. Это, как отмечал В. В. Виноградов, противоречило речевой практике образованных слоев общества, хотя и приближало обиходную речь русского общества к уровню литературной в семантике русского литературного языка [Там же].

Тяготение к отвлечённым, абстрактным словам и оборотам, созданным по церковнославянским образцам, сохранялось на протяжении всего существования русского языка. В этом видятся отголоски религиозно-

культового, священно-символического отношения к словам в их богословско-схоластической интерпретации. Экспрессивность разговорной речи не смогла заместить или вытеснить высокого риторического пафоса слов и оборотов церковнославянских образцов, которые утвердились и до сих пор преобладают в высоких стилях русского языка. Так, В. К. Третьяковский совершил несколько неудачных попыток переустройства литературного языка на основе разговорной речи образованных слоев города в 1750–1760 гг., но вернулся к культу церковнославянского языка.

Внедрение французского языка и его стилистической культуры несколько осложнило языковую ситуацию второй половины XVIII в. Это внедрение сопровождалось настойчивыми опытами синтеза с церковнославянской культурой. Проявлялась и тенденция отрыва от славянского синтеза, рожденного первым и вторым историческим южнославянским влиянием, и сближения русского общественно-бытового языка с французским. Французский элемент в речевом обиходе высших слоев общества, «дворянский салон» и бытовавший в нём «щегольской жаргон», сопровождался распространением галлицизмов. Это, вкупе с перестройкой жанровой системы русской литературы XVIII в., привело к распаду системы «трёх стилей» и вытеснению её из литературно-языковой практики. Произошла модификация высокого и среднего стилей на основе амальгамации церковнославянского языка, южнославянских высоких форм, русской бытовой речи и европейской литературной стилистической системы. Можно констатировать определенное сближение русской литературной речи с формами европейской словесности (как и русской культуры с европейскими культурами), хотя проникновение упрощённых обиходных форм в высокие стили, свойственное, например, английскому языку, так никогда и не стало отличительной чертой русского языка, в котором стилистическая дифференциация оставалась чёткой.

С конца XVII века для обозначения разнообразных филологических понятий в филологической науке стали использоваться термины «стиль», «стилистика». В XVIII–XIX вв. в России широко применялась теория «трёх стилей» М. В. Ломоносова, классифицировавшая лексические и другие средства языка с точки зрения принадлежности к трем стилям. При этом стилистические исследования были связаны с практической стилистикой (нечётко отделённой от поэзии и риторики) и со стилистикой художественной речи (анализ стиля писателя, характеристика использованных писателем стилистических пластов и единиц языка). Проводились исследования о стиле художественных произведений, о стиле автора (Ф. Прокопович, В. К. Третьяковский, Ф. И. Буслаев).

Таков в схематических чертах путь развития русского литературного языка до XX в. Отличные построения эволюции русского литературного языка встречаем в концепциях Г. О. Винокура и Б. В. Томашевского. Винокуровское исследование было дано сквозь призму литературного

процесса, сложной, но достаточно чёткой системы жанров XVIII в. [Винокур 1959], а у Б. В. Томашевского особое внимание уделялось литературно-стилистическим направлениям и течениям («архаисты» и «новаторы»).

Важным компонентом дискурсивно-стилистического аспекта языкового развития является стилистическая дифференциация лексики, ср. увеличивать (капитал) – нейтр., приумножать – книжн., округлять – разг.; ловкий (в работе) – нейтр., хваткий, хватистый, сноровистый – разг.; угождать (кому-либо) – нейтр., ублажать (кого-либо) – разг., потрафлять (кому-либо) – просторечие. Пока в языке не было чёткой и детальной дифференциации стилей, стилистические границы между подобными словами были размытыми [Касаткин и др. 1989].

Заметим, что в целом в развитом языке бывает полезно проникновение живых идиоматических форм в литературный язык, оно обеспечивает значительную номинативную и экспрессивную гибкость речи, например, нельзя однозначно отрицательно оценивать идиоматичность и литературно-разговорные обороты, широко используемые в газетно-публицистическом, да и научно-популярном стилях англоязычных изданий. Но при этом подчеркнем, что важен не столько факт проникновения разговорных форм в высокие стили, сколько сам принцип пополнения лексики этих стилей с помощью *исконного языкового материала*. Вместе с тем, традицию достаточно строгой дифференциации высоких и обиходных стилей, сложившуюся в русском языке, целесообразно сохранять и поддерживать и впредь.

К сожалению, в настоящее время в русском языке стилистическая дифференциация обнаруживает явный дисбаланс: большая часть новых слов из исконного морфологического материала народов России создаётся и бытует в разговорном стиле и его подстилях, высокие же стили пополняются заимствованиями, причём преимущественно транскрипцией/транслитерацией (с русифицированной суффиксацией и словоизменением), которые кроме всего прочего вносят весьма осложнённую проблематику в русскую орфографию.

Развитие языка предполагает накопление и разнообразие словесных произведений, а также развитие стилей. В этом особую роль играет богатство лексики, как можно более обширный ресурс слов, с помощью которых можно выразить сколь угодно сложные смыслы. Развитию исконной литературной лексики способствуют своевременные попытки регистрировать неологизмы, удачные окказионализмы, возродить важные архаизмы на исконном словообразовательном материале, и тем самым обогащать русский язык на лексическом уровне. На наш взгляд, в отношении пополнения лексического запаса русского языка пристального внимания заслуживают три источника.

Первый источник, из которого высокие стили русского национального языка могли бы почерпнуть ресурсы, предоставляет богатое наследие

произведений, написанных на церковнославянском языке, а также в имитирующем его витийственном стиле. Ценны и сами способы словообразования и словосложения из старославянских основ. Мы полагаем, что правомерно возрождать выразительные и семантически точные, хотя и считающиеся устаревшими и не имеющие хождения слова и обороты, по крайней мере, в книжных стилях – беллетристике и публицистике. С этой целью целесообразно скрупулезно и подробно компилировать корпуса русского языка и национальных языков России разных эпох, анализировать их и отбирать заслуживающие возрождения лексические единицы и речения.

В качестве второго источника пополнения литературного языка назовем практику неологизации, создания неологизмов и художественных окказионализмов на основе исконного словообразовательного материала. Яркий пример преднамеренной деятельности по созданию удачных неологизмов, в том числе из исконных словообразовательных основ, представляет «Проективный словарь русского языка» М. Н. Эпштейна, задуманный в 2000 г. и призванный регистрировать и творчески расширять «лексические, грамматические и концептуальные возможности русского языка». Словарь включает слова, «которых в языке еще нет, но которые могли бы в нем быть, а иные – и должны быть, а некоторые уже вошли или входят в язык»¹⁰. Такого рода словарь целесообразно было бы совмещать с ресурсом, где проводился бы ежегодный конкурс «Слова́ года», на котором пользователи и авторитетное жюри могли бы определять наиболее яркие, семантически точные, концептуально полезные лексические единицы и фразеологические обороты, появившиеся в текущем году.

Третьим полезным источником пополнения литературного русского языка мог бы стать и постоянно обогащающийся повседневный и просторечно-жаргонный язык. В этом отношении ценность представляет «Словарь языка интернета» М. А. Кронгауза с соавторами [2018] и подобные ему компиляции. Будучи усовершенствованными до возможностей пополнения в реальном времени, такие словари могли бы предоставить богатый материал насущных живых речений и ярких слов из разнообразных форумов, блогов, обсуждений, где пользователи нередко употребляют семантически точные лексические инновации и риторические

¹⁰ Эпштейн М. Н. Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна // URL: <https://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon> (01.05.21). Ср. приведенные М. Эпштейном «креативные» неологизмы, включая сложные слова по аналогии с эллино-славянскими композитами: злобвечный – то, что составляет злобу века или вечности; начекизм (от «начеку») – сверхбдительное отношение к любым отступлениям от политической корректности; разномирный, разномирец – человек, принадлежащий другому миру (обществу, культуре, системе ценностей); мы с ним разномирцы; расприроднить (кого, что) – изъять из природы, упразднить природное начало: техническая цивилизация все больше расприроднивает человека; ужаток – ужатый в объеме или весе товар; перлопечатник (ср. первопечатник) – тот, кто печатает только перлы; автор или издатель со строжайшими критериями отбора: перлопечатников мало на свете; безупречный – тот, кто не склонен к упрекам, никого не упрекает; душеядность – стремление подчинить себе чужую душу, присвоить ее энергию, витальность; самотушитель – человек, погашающий свой собственный дар, истребляющий себя духовно и т. д. [Эпштейн Интернет-ресурс].

ценные образцы речи. Наиболее удачные из них можно было бы популяризировать и рекомендовать к использованию и в литературном языке. Однако в отношении литературного языка такие источники следует использовать с осторожностью из-за сниженного регистра большинства лексем и большого количества форенизмов.

Заключение

Сделаем некоторые выводы из вышеизложенного.

1. Развитие есть явление, в котором сочетаются повторяемость определённых базовых функций системы и линейность количественно-качественных изменений, оно предполагает изменения системы в сочетании со спиралевидной наследуемостью ее базовых характеристик. При этом качества системы, появляющиеся в результате развития, демонстрируют необратимость, направленность, закономерность, без актуализации этих признаков речь может идти об изменениях без развития. Из этого следует возможность и в определенном отношении обязательность управления, стимулирования и контроля процессов развития. Все вышесказанное относится и к развитию языка как системы.

2. В социолингвистическом (функциональном) аспекте языкового развития следует учитывать, что в настоящее время развитие живых языков часто не регулируется, но происходит стихийно. Попытки регулировать, направлять развитие языков происходят при осознании их явного регресса, инволюции или утраты, в т. ч. в связи с угрозой лишения государственного суверенитета в культурной и языковой основе. Но язык – важнейшая форма общественного сознания, функционирование и развитие которой не должны быть пущены на самотёк и в отсутствие очевидных угроз. Помимо прямого государственного законодательства, регулирование языкового развития возможно осуществлять избирательным финансированием, по аналогии с выделением финансов на создание произведений культуры. Для решения проблемы девальюции национальных языков необходим пересмотр отношения к «мировому английскому», поскольку достаточно очевидны экспансионистское подавление и форенизация культур и родных языков. Полагаем, что в перспективной языковой политике нужно более категорическое решение проблемы определения лингвицизма (языковой дискриминации) и лингвицида (языкового этноцида). Противоположностью этому будет выработка положительного отношения к пуристической языковой направленности в пределах национальной и этнической языковой политики, которая должна включать и усилия консервативной направленности, сохраняющей прошлый языковой опыт, и новые творческие движения в области словотворчества и сочинительства. Эту направленность возможно оценивать количественно. Как свидетельствует история, пуризм, движение в культуре, направленное на очищение языка от иностранных заимствований и изучение родного языка в его древнем состоянии, способствовали народному единству в тяжёлые периоды войн,

национально-освободительных процессов, стимулировали рост созидательного национального самосознания.

3. В системно-лингвистическом аспекте важно учесть существование разнонаправленных внутриязыковых процессов вариативности (дифференциации, дивергенции) языковых средств для обеспечения гибкого выражения речевого замысла, с одной стороны, и их унификации (конвергенции или отбора) с целью экономии языковых средств (речевых усилий), с другой. Необходимо соблюдать постоянный баланс между двумя тенденциями, дабы не размыть языковые нормы и стандарты чрезмерной вариативностью, дифференциацией языковых средств, с одной стороны, и не обеднить, и не обездвижить речевой и креативный потенциал языка избавлением его от так называемой «избыточной» исконной лексики посредством строгой «уменьшительной» нормализации и стандартизации языка. Уменьшение лексического состава, ограничение словообразовательных средств делают менее успешной коммуникацию в связи с недостаточно тонким выражением смысловых нюансов в зависимости от контекста и целей говорящих. Кроме того, ревностная нормализация в виде избавления от «избыточных» слов («дублетных» синонимов, архаизмов, окказионализмов) может препятствовать исконной языковой креативности, вести к «усыханию» собственно языкового и речевого творчества, во всяком случае, со стороны обычных непрофессиональных носителей. С другой стороны, явной тенденцией становится неконтролируемый процесс заимствований в русский язык из других языков (прежде всего «мирового» лингва франка – английского), порой без особой формальной ассимиляции. Это, на наш взгляд, способствует форенизации, остранению как языка, так и самого типа мышления принимающей части русскоязычной культуры. Чрезмерные заимствования следует контролировать.

В отношении системы языка требуется сочетание нормализации и либерализации. Грамматика нуждается в упорядочении, выведении логичных правил с минимальными исключениями и ограничениями и жёсткой регламентации. Лексике же должна отводиться большая свобода употребления и развития, наряду с чёткой лексико-семантической структурой должна быть представлена и расширенная семантика слов, включая культурные-символические, исторические и контекстуальные значения, синонимическое разнообразие.

Важно изучение лексической системы национального языка в ономасиологическом аспекте, прежде всего, в связи с номинацией с помощью исконных лексем и морфем, нацеливание ее на развитие в гармонии с онтологией этого языка. В семасиологическом аспекте важно оценивать развитость синонимических и антонимических рядов, семантических полей. Необходима разработка обширных национальных идеографических словарей и тезаурусов, словарей синонимов и антонимов и проч.

4. Рассуждая о дискурсивно-стилистическом аспекте языкового развития следует отметить, что здесь преобладает влияние традиции. Если в протестантских странах граница между высокими и разговорными регистрами оказалась размыта (благодаря императиву говорить «библейский языком»: ясно, просто, идиоматично, доступно для людей), то в русской традиции сохранилась достаточно чёткая граница между разговорной (включая литературно-разговорную) речью и речью чисто литературной (книжной, публицистической, официальной, научной). На наш взгляд, из традиций и истории развития стилей в конкретном языке следует исходить в планировании языкового развития. В русском языке присутствие «высокого языкового идеала» стало условием высокой, одухотворённой словесной деятельности, своеобразным способом воспитания духовности. Данная проблема как нельзя более актуальна для современной русской словесности.

Развитию национальной литературной лексики способствуют своевременные попытки регистрировать удачные неологизмы, окказионализмы, возрождать ценные архаизмы на исконном словообразовательном материале, тем самым обогащая русский язык на лексическом уровне. В отношении пополнения лексического запаса русского языка внимания заслуживают возрождение и имитация церковнославянских моделей словообразования; производство семантически точных и выразительных неологизмов и окказионализмов на исконном морфемном материале, калькирование иноязычных заимствований; отслеживание и компиляция в реальном времени удачных лексем и оборотов в живом интернет-общении на исконном морфемном материале.

Список источников

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики / В. А. Аврорин. – Ленинград: Наука, 1975. – 276 с.
2. Арсеньева, М. Г. Введение в германскую филологию / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков [и др.]. – Москва: ГИС, 2000. – 321 с.
3. Баскаков, Н. А. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация / отв. ред. чл.-корр. АН ТССР Б. Чарыяров; Академия наук Туркменской ССР, Институт языка и литературы им. Махтумкули. – Ашхабад: Ылым, 1988. – 140 с.
4. Берков, В. П. Современные германские языки / В. П. Берков. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: АСТ: Астрель, 2001. – 336 с.
5. Виноградов, В. В. Великий русский язык / В. В. Виноградов. – Москва: ОГИЗ: Государственное издательство художественной литературы, 1945. – 172 с.

6. Виноградов, В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка / В. В. Виноградов. – Москва: Изд. Акад. наук СССР, 1958. – 138 с.
7. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – Москва: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
8. Гаджиева, Н. З., Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис / отв. ред. Э. Р. Тенишев; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1986. – 283, [1] с.
9. Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика: к основам общей теории / Ю. Д. Дешериев. – М.: Наука, 1977. – 382 с.
10. Иванов, В. В. Звуковые законы // Русский язык: Энциклопедия / под редакцией Ю. Н. Караулова. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 136–137.
11. Исаев, М. И. О языках народов СССР / М. И. Исаев. – Москва: Наука, 1978. – 221 с.
12. Касаткин, Л. Л. Русский язык: учебник в 2 ч. / Л. Л. Касаткин, Л. П. Крысин, М. Р. Львов [и др.]. Ч. I. Введение в науку о языке. Русский язык. Общие сведения. Лексикология современного русского литературного языка. Фонетика. Графика и орфография / под редакцией Л. Ю. Максимова. – Москва: Просвещение, 1989. – 287 с.
13. Клоков, В. Т. Современный взгляд на развитие французской языковой политики. Часть II / В. Т. Клоков // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2009. – Т. 9. – № 3. С. 3–10.
14. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург: Юна, 2002. – 444 [3] с.
15. Кронгауз, М. А., Мерзлякова, В. Н., Литвин, Е. А. Словарь языка интернета.ru / под редакцией М. А. Кронгауза. – Москва: АСТ-Пресс, 2018.
16. Крысин, Л. П. О русском языке наших дней / Л. П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. – Пермь: Перм. ун-т, 2002. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>
17. Крысин, Л. П. Михаил Викторович Панов (К столетию со дня рождения) / Л. П. Крысин // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2021. – Том 80. – № 2. – С. 116–122.
18. Леонтьев, К. Н. Храм и Церковь / К. Н. Леонтьев. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. – 480 с.
19. Милославский, И. Г. Постулаты лингвистики на службе речевой деятельности на русском языке / И. Г. Милославский // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2020. – Т. 79. – № 3. – С. 13–23.
20. Муллагалиева, Л. К. Онтологическое содержание становления русского языка в небытие: диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук по ВАК РФ 09.00.01. – Уфа: УфГУ, 2012. – 325 с.

21. Никольский, Л. Б. Синхронная социоллингвистика (теория и проблемы) / АН СССР, Ин-т востоковедения / Л. Б. Никольский. – Москва: Наука, 1976. – 168 с.
22. Панов, М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века / М. В. Панов // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1.
23. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – Москва: Наука, 1968. – 376 с.
24. Серебренников, Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка / Б. А. Серебренников / АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1968. – 128 с.
25. Силкина, О. М. Структура научной аннотации: интегральная модель (на материале английского, немецкого и русского языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. – Челябинск, 2021.
26. Славятинская, М. Н. Древнегреческий язык в Греции XVIII–XX вв. Роль древнегреческого языка в формировании норм новогреческого литературного языка / М. Н. Славятинская // Двойной портрет – IV (Константы русской культуры: классический греческий язык и эллинский мир. Эллинисты: языковеды и педагоги): сборник статей. – Москва: Филоматис, 2014. – С. 210–218.
27. Славятинская, М. Н. Типы русско-греческих языковых отношений на Руси/в России / М. Н. Славятинская // Двойной портрет – IV (Константы русской культуры: классический греческий язык и эллинский мир. Эллинисты: языковеды и педагоги): сборник статей. – Москва: Филоматис, 2014. – С. 174–192.
28. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
29. Тилова, Г. А. Синонимия лесоводческих терминов (на примере немецкого, русского и узбекского языков) / Г. А. Тилова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 9 (455). – Филологические науки. – Вып. 126. – С. 184–191.
30. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б. А. Успенский. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.
31. Швейцер, А. Д. Современная социоллингвистика / А. Д. Швейцер. – Москва: Наука, 1976. – 174 с.
32. Шелестюк, Е. В., Шкарин, Д. Л. Концептуальный состав англоязычной поэзии о Второй мировой войне в сопоставлении с советской военной поэзией // Когнитивные исследования языка. – № 2 (45), 2021. – С. 553–565.

33. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
34. Эпштейн, М. Н. Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна. – URL: <https://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon>
35. Юдин, Э. Г. Развитие / Э. Г. Юдин // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва: Сов. энциклопедия, 1975. – Т. 21. – 635 с.
36. Языковая номинация / кн. I: Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1977. – 359 с.
37. Языковая номинация / кн. II: Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1977. – 356 с.
38. Benor, S. V. A Research Agenda for Comparative Jewish Linguistic Studies / S. V. Benor, V. Hary // *Languages in Jewish Communities, Past and Present*. Mouton de Gruyter, 2018. – P. 672–694.
39. Boroditsky, L. Linguistic relativity / L. Boroditsky // *Nadel L. Encyclopedia of cognitive science*. – London: Macmillan, 2003. – P. 917–922.
40. Croft, W. *Explaining Language Change: An Evolutionary Approach* / W. Croft. – London: Longman, 2000. – 287 p.
41. Ferguson, Ch. A. Diglossia / Ch. A. Ferguson // *Word*. 15:2, 1959. – P. 325–340.
42. Frye, Steven. *The Ode Less Travelled: Unlocking the Poet Within*. London: Arrow Books, 2007. – 220 p.
43. Galperin, I. R. *Stylistics* / I. R. Galperin. – Moscow: Vysshaya shkola, 1977. – 334 p.
44. Geeraerts, D. *Conceptual Structure and Conceptual Variation* / D. Geeraerts. – Shanghai: Foreign Language Education Press, 2017. – 333 p.
45. Geeraerts, D. Cognitive restrictions on the structure of semantic change / D. Geeraerts // *Historical semantics. Historical word-formation* / ed. by Jacek Fisiak. – Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1985. – P. 127–154.
46. Hull, D. L. *Science as a Process: An Evolutionary Account of the Social and Conceptual Development of Science* / D. L. Hull. – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – 586 p.
47. Keipert, H. Zur Geschichte des kirchenslavischen Wortguts im Russischen / H. Keipert // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 35, H. 1, 1970. – S. 147–169.
48. Keller, R. *On Language Change: The Invisible Hand in Language* / R. Keller. – London: Routledge, 1994. – 182 p.
49. Peterson, D. J. *The Art of Language Invention* / D. J. Peterson. – London: Penguin Books, 2015. – 292 p.
50. Thibodeau, P. H., Boroditsky, L. Measuring Effects of Metaphor in a Dynamic Opinion Landscape. *PLoS ONE* 10(7), 2015: e0133939. doi: 10.1371/journal.pone.0133939